

Война

- ★ Бесчеловечный характер войны
 - ★ Что помогает выжить на войне/преодолеть тяготы войны
 - ★ Память о войне
 - ★ Женщины на войны
 - ★ Дети на войне
 - ★ Влияние войны на жизнь человека
- ★ Дружба на войне
 - ★ Разрушительные последствия войны
 - ★ Почему важно помнить героев войны
 - ★ Героизм на войне
 - ★ Как война раскрывает качества человека
 - ★ Проявление человечности на войне

М. Шолохов "Судьба человека" (1956-1957)

рассказ

Герои:

- Андрей Соколов, водитель на фронте
- Ирина, его жена
- Ваня, приёмный сын
- Анатолий, родной сын, стал полковником, убит в последний день войны

Тошное время было, не до писаний было. ... Терпеть не могэтаких слюнявых, какие каждый день, к делу и не к делу, женам и милахам писали, сопли по бумаге размазывали. Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди убьют. И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим разнесчастным бабенкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. **Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли!** А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка, и руки опустит, и работа ей не в работу. Нет! **На то ты и мужчина, на то ты и солдат, чтобы все вытерпеть, все снести, если к этому нужда позвала.** А если в тебе бабьей закваски больше, чем мужской, то надевай юбку со сборками, чтобы свой тощий зад прикрыть попышнее, чтобы хоть сзади на бабу был похож, и ступай свеклу полоть или коров доить, а на фронте ты такой не нужен, там и без тебя вони много!

Опрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?»

Шепчет: «Погиб на фронте».

— «А мама?»

— «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали».

— «А откуда вы ехали?»

— «Не знаю, не помню...»

— «И никого у тебя тут родных нету?»

— «Никого».

— «Где же ты ночуешь?»

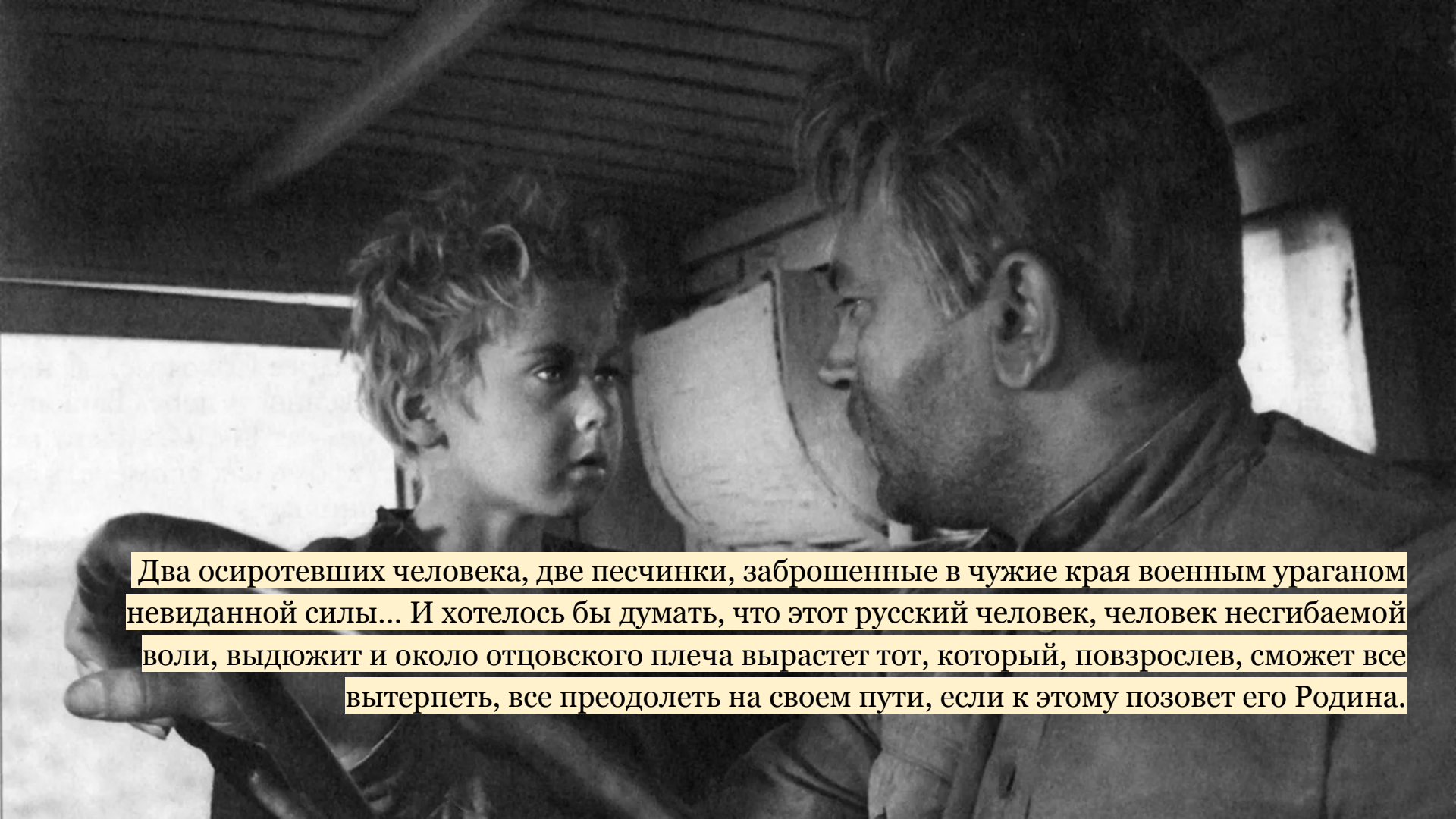
— «А где придется».

Я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец».

И сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя...

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром.

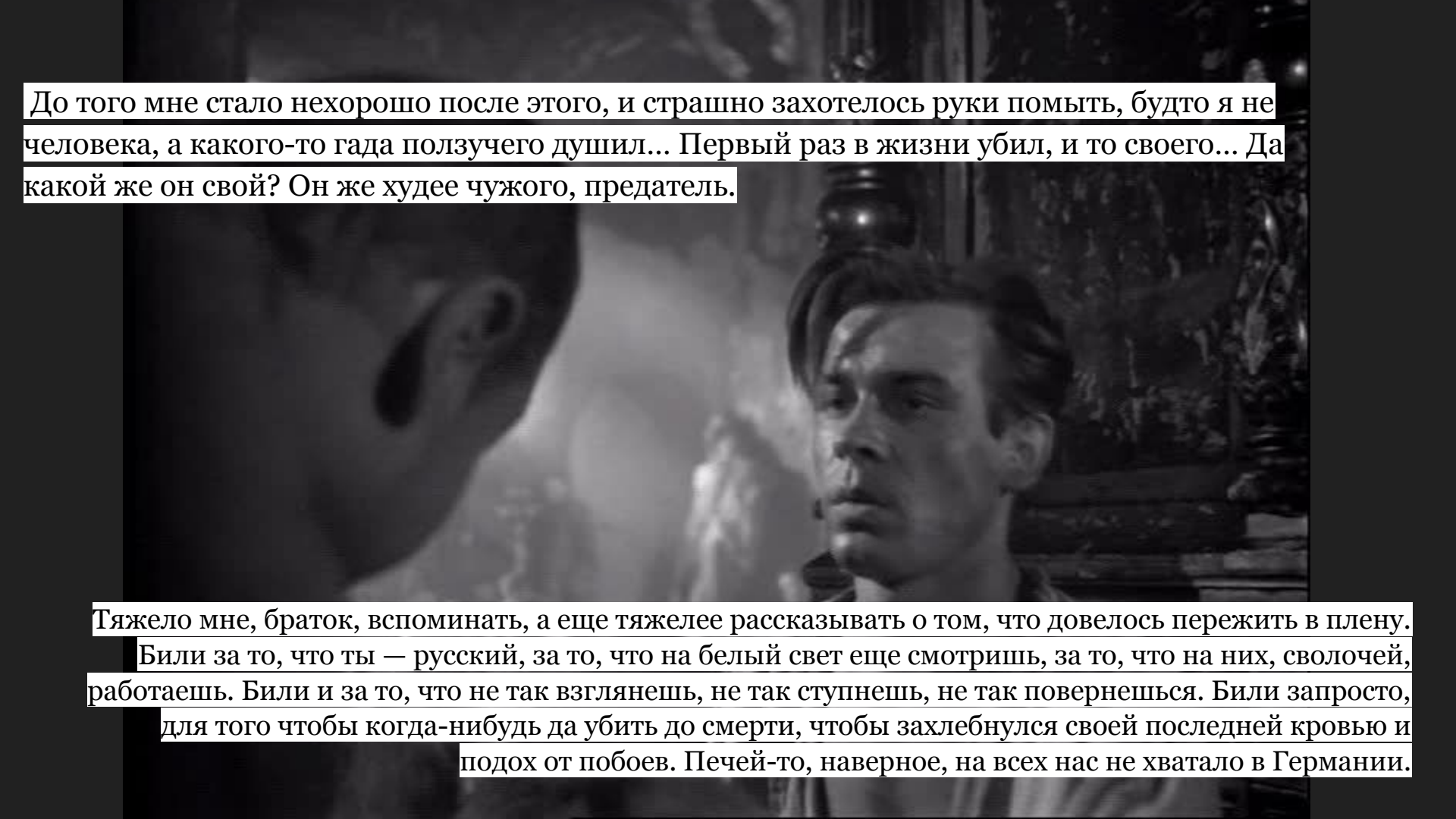

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?»

Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я — военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твердо так говорит: «Сымай гимнастерку и нижнюю рубашку». Я снял все это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он все щупает и злобно так отвечает: «Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет». Да с тем как дернет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

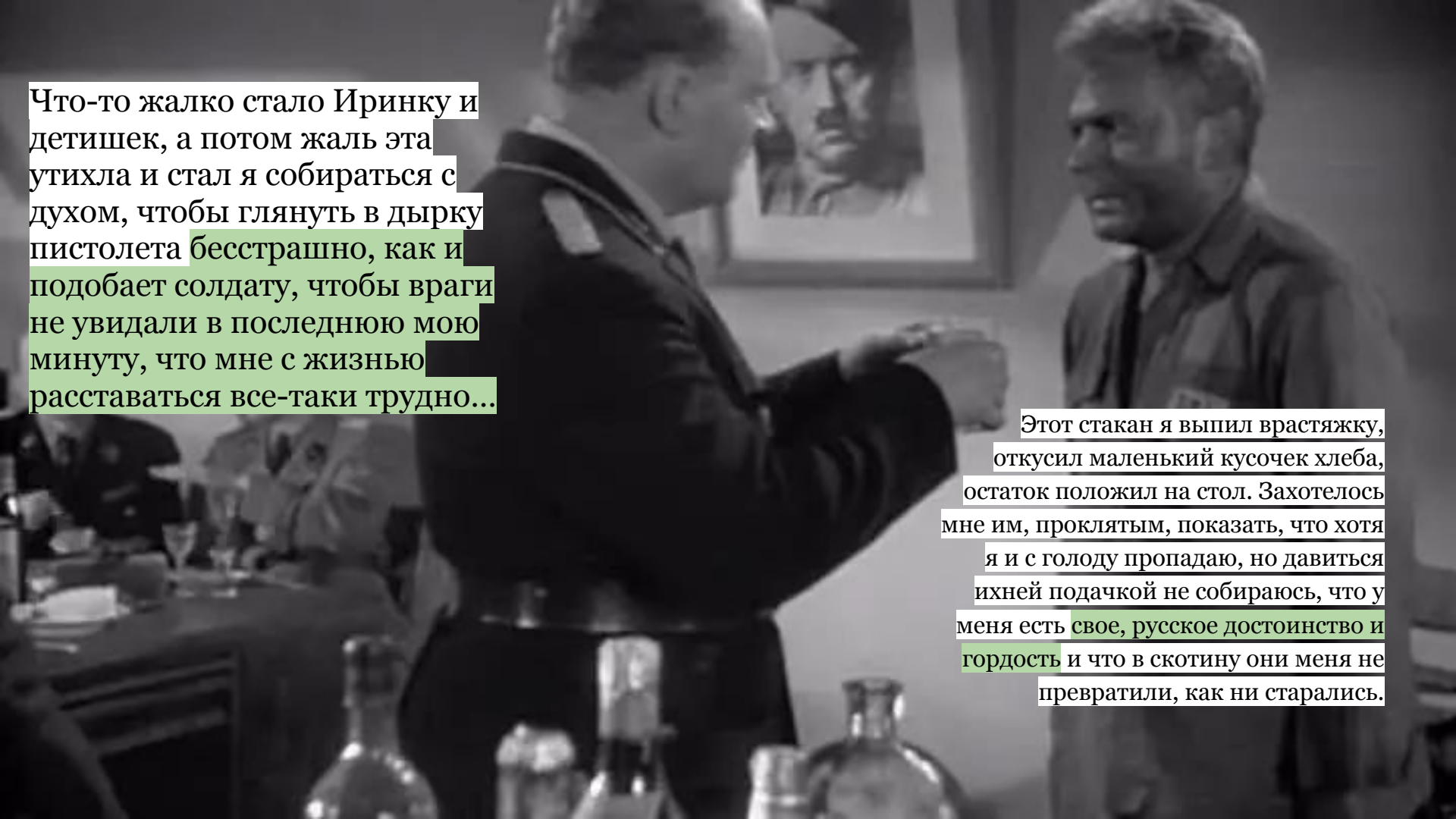
Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты ее так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я ее на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потемках свое великое дело делал.

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же хуже чужого, предатель.

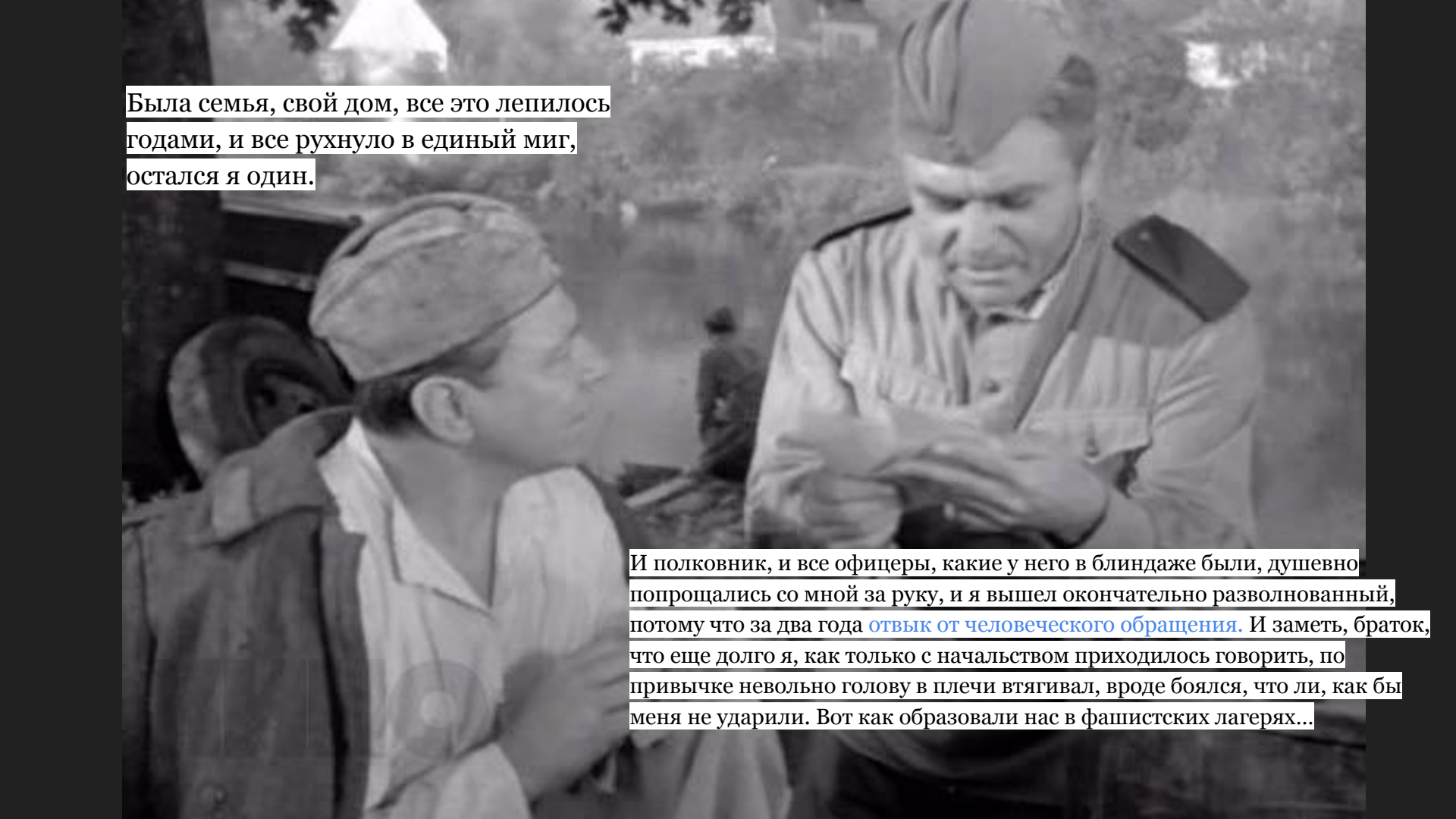
Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену.

Били за то, что ты — русский, за то, что на белый свет еще смотришь, за то, что на них, сволочей, работаешь. Били и за то, что не так взглянешь, не так ступнешь, не так повернешься. Били запросто, для того чтобы когда-нибудь да убить до смерти, чтобы захлебнулся своей последней кровью и подох от побоев. Печей-то, наверное, на всех нас не хватало в Германии.

Что-то жалко стало Иринку и
детишек, а потом жаль эта
утихла и стал я собираться с
духом, чтобы глянуть в дырку
пистолета бесстрашно, как и
подобает солдату, чтобы враги
не увидали в последнюю мою
минуту, что мне с жизнью
расставаться все-таки трудно...

Этот стакан я выпил вразяжку,
откусил маленький кусочек хлеба,
остаток положил на стол. Захотелось
мне им, проклятым, показать, что хотя
я и с голоду пропадаю, но давиться
ихней подачкой не собираюсь, что у
меня есть свое, русское достоинство и
гордость и что в скотину они меня не
превратили, как ни старались.

Была семья, свой дом, все это лепилось годами, и все рухнуло в единый миг, остался я один.

И полковник, и все офицеры, какие у него в блиндаже были, душевно попрощались со мной за руку, и я вышел окончательно разволнованный, потому что за два года [отвык от человеческого обращения](#). И заметь, браток, что еще долго я, как только с начальством приходилось говорить, по привычке невольно голову в плечи втягивал, вроде боялся, что ли, как бы меня не ударили. Вот как образовали нас в фашистских лагерях...

Туманно помню солдатский строй и обитый красным бархатом гроб. А Анатолия вижу вот как тебя, браток. Подошел я к гробу. Мой сын лежит в нем и не мой. Мой — это всегда улыбчивый, узкоплечий мальчишка, с острым кадыком на худой шее, а тут лежит молодой, плечистый, красивый мужчина, глаза полуприкрыты, будто смотрит он куда-то мимо меня, в неизвестную мне далекую даль. Только в уголках губ так навеки и осталась смешинка прежнего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошел в сторонку. Подполковник речь сказал. Товарищи-друзья моего Анатолия слезы вытирают, а мои невыплаканные слезы, видно, на сердце засохли. Может, поэтому оно так и болит?..

Б. Васильев "А зори здесь тихие..."

повесть

Герои:

- старшина Васков
- Рита Осянина, командир взвода, есть сын, серьезнее остальных
- Лиза Бричкина, влюблена в старшину, погибает в болоте
- Соня Гурвич, красивая, городская, погибает в слежке за немцами
- Галя Четвертак, самая младшая, выросла в детдоме, умерла, в панике выбежав к немцам
- Женя Комелькова, отец офицер - всю семью расстреляли на глазах, смелая, погибает, защищая Риту и Васкова

В основе - реально совершённый подвиг времён Великой Отечественной войны: семь самоотверженных солдат не дали немецкой диверсионной группе взорвать Кировскую железную дорогу, по которой доставляли для Мурманска снаряжение и войска.

В живых остался только старшина

Монумент Воинской Славы Чебоксары

Фото: Георгий Долгопский

В. Закруткин “Матерь человеческая” (1969) повесть

В основе - реальное событие. В 1943 г. в одном из хуторов В. Закруткин увидел женщину, которая стала прототипом главной героини повести.

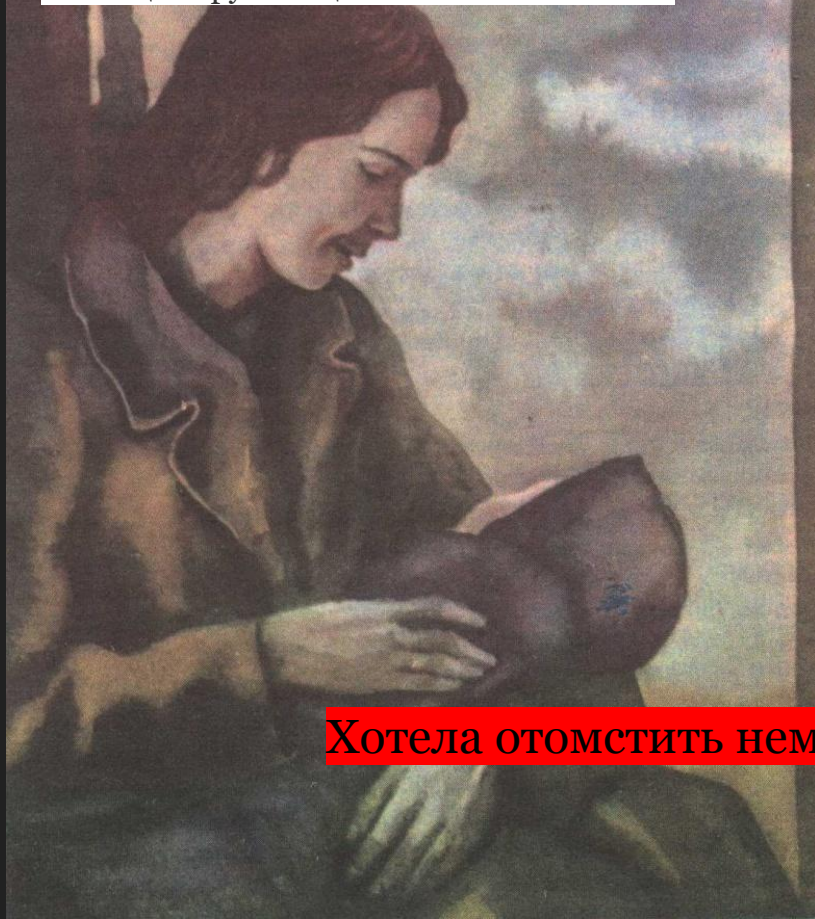
Героиня - Мария. Спряталась в кукурузе и молила о смерти. Была на первых месяцах беременности. Погибли муж и сын.

Поселилась в уцелевшем погребе, постепенно обзавелась хозяйством, спасла корову, 7 детей, ухаживала за немцем.

Научилась жить заново.

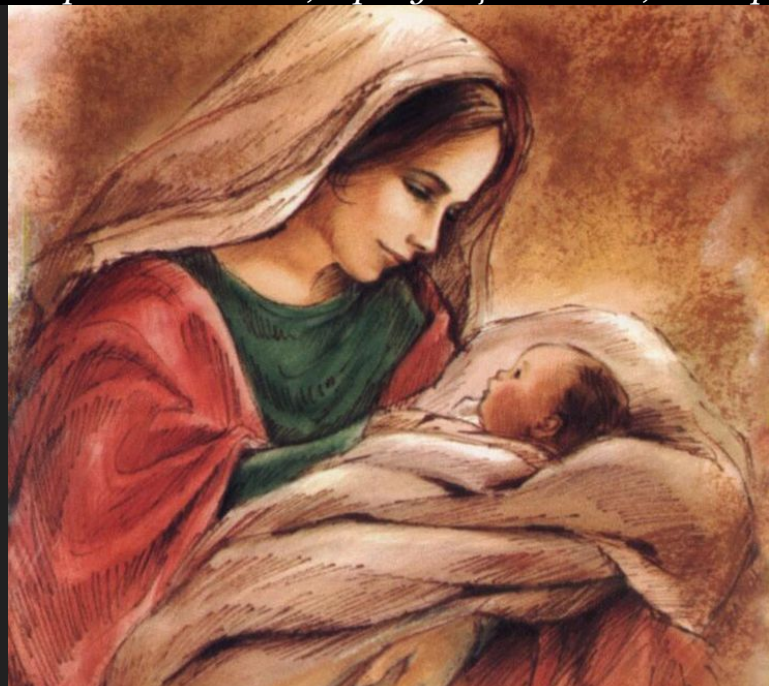
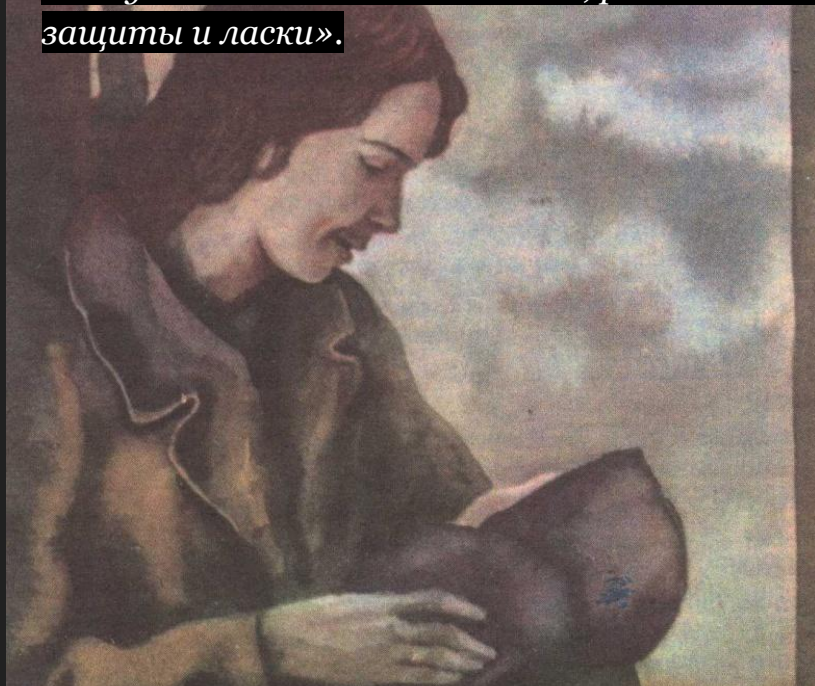
Смысл названия: Мария считала спасенных детей своими, была готова обогреть всех, кто в этом нуждался.

Помощь окружающим – главное в жизни.

Хотела отомстить немцу, но он крикнул “Мама!”

Ей почудилось, что «она родила не только сына и тех семерых мальчиков и девочек, <...> но, содрогаясь от мучительной боли и счастья, родила всех детей истерзанной земли, требующих от нее, матери, защиты и ласки».

Смотря на статую Мадонны, рассказчик думал о том, что придет время, когда «исчезнут на земле войны, не будет убийств, грабежей, лжи, коварства, клеветы» и благодарные люди воздвигнут монумент «женщине-труженице земли» – Матери Человеческой.